

ЖУРНАЛИСТИКА И РЕКЛАМА

УДК 070.15

ВЫСТУПЛЕНИЕ Л. Г. КОРНИЛОВА В АВГУСТЕ 1917 ГОДА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ И В МЕМУАРАХ УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ

А. А. Антонов-Овсеенко

Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой кафедра

В статье выявлено участие министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского в организации попытки военного переворота в Петрограде в августе 1917 г. На основании газетных публикаций, включающих собственный отчет генерала Л. Г. Корнилова, мемуаров других действующих лиц опровергается характеристика событий конца августа 1917 г. как сугубо «корниловского мятежа».

Ключевые слова: корниловский мятеж, Временное правительство, большевики.

Выступление генерала Л. Г. Корнилова в августе 1917 г. – явление неоднозначное и во всяком случае не могущее быть охарактеризованным как попытка захвата власти, предпринятая одним человеком с целью установления диктатуры военного образца. Во-первых, сам боевой генерал Корнилов был очевидно менее всего движим диктаторскими устремлениями: он предпринял это выступление, исходя исключительно из серьезного беспокойства, происходившего от возраставшего на глазах разложения армии, распада экономики и государственной власти в центре и на местах – в то время как до окончания войны и устранения угрозы наступления германских войск на Западном фронте было весьма далеко.

Во-вторых, выступление Корнилова возникло не в одночасье, через принятие спонтанного решения одним человеком, а стало результатом длинной цепи событий, каждое из которых провоцировало и подталкивало Корнилова к принятию со своей стороны целого ряда последовательных решений.

В-третьих, в организации самого выступления принимало участие не только все высшее руководство российской армии, но и в не меньшей степени, как это будет показано далее, – эмиссары Временного правительства и лично его глава А. Ф. Керенский.

Занявший 11 июля 1917 г. кресло председателя Временного правительства, Керенский уже в начале августа почувствовал недостаток даже и таких полномочий – особенно ввиду возложенной на него обязанности созыва Учредительного собрания, которое с наименьшей вероятностью оставило бы за ним этот пост. Керенскому расставаться с властью не хотелось, и для того чтобы обеспечить для себя легальную возможность и далее оставаться у руля, ему остро требовались различного рода «угрозы демократии», причем не важно – мнимые или действительные, а также с ультралевой или крайне правой стороны политического спектра они исходили.

Первой такой «удачной» (для Керенского) угрозой с ультралевой стороны стало выступление распропагандированных большевиками резервных воинских частей в Петрограде в июле 1917 г.: большевики не принимали изначально

решения об организации этого выступления, но фактически были вынуждены его возглавить для сохранения своего политического лица в глазах солдатских и рабочих масс Петрограда. Окончание Июльского выступления и привело Керенского в кресло председателя правительства. Теперь требовалась угроза с крайне правой стороны, и ею стало выступление генерала Корнилова.

Разумеется, не следует полагать, что Июльское выступление, как и выступление Корнилова – исключительно дело рук самого Керенского; политическая ситуация развивалась по законам революционного времени. Но столь же очевидно и то, что сложившиеся естественным путем и угрожавшие власти Керенского условия он цинично использовал для укрепления своего положения во главе государства, подталкивал эти события, пытаясь выговорить для себя с каждым разом все более широкие полномочия в принятии важнейших решений. В пользу этого говорит свидетельство одного из членов кабинета – Ф. Ф. Кокошкина, относящееся как раз к периоду корниловского «мятежа», приведенное в мемуарах П. Н. Милюкова: «А. Ф. Керенский заявил, что ему должны быть предоставлены, ввиду создавшегося положения, исключительные полномочия для борьбы с мятежом, равно как и право образовать кабинет по своему усмотрению. «Я, (Кокошкин – А. А.-О.) первым взял слово и заявил, что для меня не представляется возможным оставаться в составе Временного правительства при диктаторском характере власти его председателя» [5, с. 375].

Более того: такие свои устремления Керенский не стеснялся демонстрировать на широкой публике, в продолжительных выступлениях перед которой он как бы подталкивал слушателей к «единственно возможному» выводу о том, что в условиях нарастания внутренних и внешних угроз лишь он один в состоянии повести за собой массы и управлять страной. Так, в ходе выступления на Московском совещании 12 августа Керенский, обращаясь к левым, угрожал «железом и кровью» подавлять любые угрозы, подобные Июльскому выступлению; правым же, ратовавшим в открытую за приход к власти Корнилова, он также рекомендовал остерегаться, заявив, что «какие бы и кто бы мне ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее» [5, с. 308].

Объективности ради необходимо заметить, что исходившие с правой стороны политического спектра российского общества требования «твердой руки» были вызваны теми же причинами, какими было вызвано свержение царизма в феврале 1917 г.: в первую очередь к ним следует отнести общее ухудшение экономической ситуации в стране, а также падение промышленного производства, безработицу и инфляцию как ее результаты.

Кроме того, сам Корнилов был не единственным, к кому обращались взоры как к вероятному «спасителю отечества». Воспользовавшись как поводом «заботой» о разлагавшейся армии, но на самом деле заботясь лишь об увеличении рекламных доходов, принадлежавшая династии Сувориных «Маленькая газета» опубликовала еще в июне 1917 г. следующие заголовки листовочного характера: «Граждане, люди русские!! Надевайте красную ленточку! Дело революции требует продолжения! Да здравствует революционный народ!! Явись опять на улицах и защищай, веди свое дело!! Россия, у тебя украли армию. Ее знаменами тебя хлещут по щекам, а Временное правительство воображает, что его от мух обмахивают!» [2]. Следом газета опубликовала в качестве доказательств «отобрания» армии у России случаи с дезертирствами и мародерствами и тут же – собственные «рекомендации» по замене состава Временного правительства:

«Пусть кн. Львов уступит место в кабинете адм. Колчаку. Это будет министерство победы... Но мы не хотим диктатора, пусть это сделано будет народом и через народ. Пусть крестьяне и казаки приступят к решению этого дела!» [2] и т. п.

По свержении царизма экономическая обстановка продолжала ухудшаться, поскольку Россия продолжала нести тяжелое и непосильное для нее бремя участия в войне. Следовательно, никакое наличное правительство заведомо не могло оправдать ожиданий как рабочих и крестьянских масс, так и зажиточной части общества. И Керенский, как и любой другой глава правительства на его месте в то время, был также заведомо не в состоянии улучшить положение и поэтому еще вызывал критику как с правой, так и с левой сторон. Но именно в случае с Керенским отрицательно действовал еще и отмеченный выше фактор – фактор его персональных устремлений к обретению исключительных полномочий. В этой ситуации попытки свержения Временного правительства должны были предприниматься с обеих сторон и предпринимались в действительности. Вопрос заключался только в том, какая из очередных таких попыток окажется успешной.

В августе 1917 г. в повестке дня оказалась попытка «наведения порядка» со стороны подталкиваемого справа Корнилова. Причем катализатором к осознанию того, что в стране отсутствует порядок, послужило, как бы это ни показалось странным, именно Июльское выступление в Петрограде. Правую часть гражданского общества в столицах, как и военную верхушку, не устраивало одинаково и существование Совета, в котором заправляли меньшевики и эсеры, и растущая популярность в рабочей и солдатской массе большевиков, которые в любой новый момент могли вывести эту массу на улицы и попытаться осуществить переворот (опасения эти, как показала история, были не напрасными). Так, сам Корнилов в опубликованной в газете «Русское слово» уже после окончания августовских событий записке-отчете с пояснениями к происшедшему отмечал, что после своего назначения 19 июля верховным главнокомандующим «сразу же почувствовал невозможность работать ввиду противодействия петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который неоднократно пытался принять непосредственное участие в деле командования войсками с целью иметь в них орудие для достижения своих политических задач» [1]. Корнилова удручало такое положение в действующей армии, где по свержении царизма усилиями различных «солдатских комитетов» с подачи Петроградского совета нарушались элементарные требования воинского устава, практиковалось неподчинение приказам, «братание» и пр.

Лидер кадетов П. Н. Милюков вспоминал в связи с этим, что, например, сдача Риги германским войскам была обусловлена именно разложением действующей армии, когда «летучие солдатские митинги выносили на улицу Риги все военные тайны рижского фронта в течение целого месяца... Офицерам был объявлен бойкот, а солдаты громили пивные заводы и погреба и пировали в Верманском парке и «Демократическом» (переименованном из «Царского») саду... Но потеря Риги не только не вразумила добровольных слепцов, а лишь прибавила к прежним обвинениям против генерала Корнилова новое, столь же бессмысленное, – обвинение в том, что он сам сдал Ригу врагу, чтобы поугатать Петроград и создать благоприятную обстановку для «контрреволюционного» удара» [5, с. 324].

Первым делом после своего назначения Корнилов выдвинул Керенскому требования наведения порядка в армии: для этого он в начале августа дважды

выезжал в Петроград. К уже восстановленной смертной казни Корнилов при поддержке генералитета требовал перевести на военное положение всю железнодорожную сеть и промышленные предприятия, работавшие на обеспечение фронта. Однако со стороны Корнилова (читай – армейской верхушки) поступили и недвусмысленные политические требования – запретить стачки и закрыть все общественные организации на заводах, работавших на оборону. С учетом же того, что вся промышленность страны была занята в той или иной степени выполнением оборонного заказа, Корнилов от имени военных фактически потребовал прекращения всякой политической активности вообще, что, конечно, было в тех условиях задачей, не выполнимой ни для какого правительства. Вполне отдавая себе в этом отчет, Корнилов еще до Московского совещания, а затем и после своего сдержанного на нем выступления 14 августа стягивал вокруг Петрограда самые, как ему представлялось, дисциплинированные части – Ревельский ударный «батальон смерти», 1-ю Донскую казачью дивизию и Уссурийскую конную дивизию, входившие в 3-й корпус А. М. Крымова [6, с. 145–146]. Ясно, что без поддержки и одобрения генерального штаба и всей армейской верхушки Корнилов не смог бы, даже и будучи главнокомандующим, передвигать по стране такие значительные воинские соединения, что стало еще одним зримым подтверждением того, что действовал он отнюдь не в одиночку.

Керенский, как и любой другой премьер в этих условиях, был вынужден лавировать между крайне правыми и крайне левыми течениями в обществе и в армии. Но Керенский же, как уже отмечалось выше, в силу сугубо личностных характеристик, усугублял свое и без того сложное положение тем, что постоянно делал обманные ходы, менял ранее принятые решения, пытаясь выставить своих противников справа и слева «врагами революции», а себя представить в виде «спасителя родины и революции». Эта двойственность поведения Керенского ярко проявлялась не только в ходе событий 1917 г., но даже и в его собственных воспоминаниях. Мемуары Керенский совершенно очевидно предназначал для того, чтобы оправдать в глазах потомков свою некомпетентность в деле государственного управления, приведшую в конечном итоге к захвату власти крайне левым течением отечественной социал-демократии в лице большевиков. Так, в описании событий в ходе Московского совещания Керенский сообщает о неудаче большевиков в организации забастовки в Москве в день открытия совещания, а также о «пышной встрече», организованной «сторонниками военной диктатуры» к прибытию на совещание генерала Корнилова. «Оба эти инцидента – неудачная забастовка и встреча Корнилова – пишет в одном месте воспоминаний Керенский, – только способствовали изоляции левых и правых сторонников диктатуры от подавляющего большинства русского населения, которое всецело придерживалось демократических убеждений» [4, с. 315]. «Мы не знали наверняка, какие настроения господствуют в стране и на фронте, – пишет он же в другом месте воспоминаний, – и подвергались непрерывному давлению со стороны посредников всех политических оттенков, от правых до левых» [4, с. 340].

Между тем в упомянутой выше записке-отчете генерала Корнилова о переговорах с Керенским прямо сообщалось о возможности образования коалиционного, вместе с Керенским, правительства с участием представителей от военных. При этом Керенский вел переговоры об этом не напрямую, а через посредника в лице заместителя военного министра Б. В. Савинкова – одного из видных политических деятелей, возглавлявшего боевую организацию Партии

социалистов-революционеров, революционера-террориста. Предметом переговоров стали также части Петроградского военного округа, по поводу которых Савинков с подачи Керенского настаивал на передаче командования над ними Временному правительству, и Корнилов в какой-то момент охотно согласился с этим требованием [6, с. 144–145]. Более того, Савинков – также с очевидной подачи Керенского – сообщил Корнилову о готовности министра-председателя выполнить все требования главковерха, попутно выговорив еще и возможность передачи под командование Временного правительства частей генерала Крымова – для защиты от угрозы правительству со стороны Петроградского совета. Это также стало известным из протокола встречи Савинкова с Корниловым в его ставке в Могилеве, который был опубликован по воле генерала в составе той же приводимой здесь записке-отчете: Савинков, в частности, договорился об установлении «тесных отношений между Корниловым и министром-председателем Керенским». Затем, вечером того же 24 августа, Савинков, обратившись к Корнилову в присутствии других военных, заявил, что требования генерала «будут удовлетворены временным правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения» (строчные и прописные буквы – по оригиналу – **А. А.-О.**) и поэтому правительство просит Корнилова «отдать распоряжение о том, чтобы третий конный корпус был к концу августа подтянут к Петрограду и предоставлен в распоряжение временного правительства» [1].

Наконец, согласно публикации «Русского слова», «в доказательство существовавшего формального соглашения о подвозе к Петрограду 3-го конного корпуса генерал Корнилов приводит следующий текст телеграммы, отправленной им Савинкову 27-го августа, в 2 часа 40 минут, за № 6394: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28-го августа» [1].

Впоследствии, однако, по разным источникам, Керенский дезавуировал эти договоренности, что ему было довольно просто осуществить ввиду того, что переговоры вел не он сам, а Савинков, пребывавший в ранге всего лишь заместителя военного министра. Однако части генерала Крымова к тому моменту уже находились на подходе к Петрограду, и цели военных по наведению порядка на фронте и в тылу не менялись независимо от смены поведения министра-председателя. Возглавлявший двигавшиеся к столице военные части Крымов уже заготовил приказ о прекращении всякой политической деятельности, установлении жесткой цензуры в печати и т. п. Керенский, метавшийся между правым и левым течениями, находился к 27 – 28 августа в замешательстве, и Петроградский совет, даже и состоявший преимущественно из меньшевиков и эсеров и полностью осознававший реальную угрозу самому своему существованию, был вынужден принять помощь большевиков. Большевики же обретали с каждым днем тем больший авторитет и вес в рабочей и солдатской массе, чем меньше шансов оставалось у Петроградской судебной палаты доказать их связь с германским генеральным штабом. Этого авторитета оказалось достаточно для того, чтобы отстоять Петроград от притязаний военных даже и в отсутствии в столице главных лидеров партии: В. И. Ленин и Зиновьев скрывались после Июльского выступления, Троцкий оставался в заключении в «Крестах».

Кульминация наступила к ночи 28 августа, когда части Черкесского и Ингушского полков из «дикой дивизии» Крымова были блокированы близ Вырицы: железнодорожные рабочие разобрали часть пути, закрыв другую часть вагонами. Примерно также складывалась ситуация с Донской казачьей дивизией,

вместе с которой двигался к Петрограду Крымов. В результате большая часть войск как Петроградского гарнизона, так и перемещенных с фронта подразделений отказались выступать против Временного правительства. При этом наименьшую роль в неудаче выступления сыграл Керенский, а наибольшую, как известно, – агитаторы из Военной организации большевиков.

Таким образом, при всех нюансах, заключавшихся в том числе в метаниях Керенского от правой к левой стороне политического спектра общества, следует поставить под сомнение характеристику событий последних чисел августа в Петрограде как сугубо «корниловского мятежа». Ведь самим фактом переговоров с Корниловым Керенский фактически провоцировал генерала на это выступление. А «успех» переговоров, заключавшийся как в соглашении о создании коалиционной власти, так и о силовом устранении угрозы со стороны Петроградского совета, ставит именно Керенского на место одного из главных организаторов выступления наряду с высшим генералитетом российской армии.

Список литературы

1. Б/п. Записка ген. Корнилова // Русское слово. 1917. № 225. 3 (16) октября. С. 3.
2. Б/п. «Пусть крестьяне и казаки приступят к решению этого дела!» – призывы // Маленькая газета. 1917. № 135 (934). 13 июня. С. 1.
3. Государственное совещание; под ред. М. Н. Покровского и Ю. А. Яковлева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 220 с.
4. Керенский А. Ф. Россия в поворотный момент истории. М.: Центрполиграф, 2006. 524 с.
5. Милуков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 765 с.
6. Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989. 416 с.

THE AUGUST 1917 SPEECH OF L. G. KORNILOV AS IN NEWSPAPERS AND IN THE MEMOIRS OF PARTICIPANTS IN THE EVENTS

A.A. Antonov-Ovseenko

Moscow Humanitarian Institute nam. E. R. Dashkova
The department of journalism, advertising and public relations

The article depicts the key role of the Minister-President of the Provisional Government A.F. Kerensky in organizing military coup in Petrograd in August 1917. Based on newspaper publications, including records by general L.G. Kornilov, and on the memoirs of other actors, the events of late August 1917 are refuted as being a purely "Kornilov-led riot."

Key words: *Kornilov riot, the Provisional Government, the Bolsheviks*

Об авторе:

АНТОНОВ-ОВСЕНКО Антон Антонович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Московского гуманитарного института им. Е. Р. Дашковой (127349, Москва, д. 6, к. Б), e-mail: antonov-ovseenko@mail.ru